

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

Идейное состояние общества. Идейное состояние людей и общества в целом складывается под воздействием многих факторов, а не только идеологии. И главным из них является опыт их повседневной жизни.

Советские люди знали недостатки своего общества не хуже, чем западные наблюдатели. Более того, они их испытывали на своей шкуре. Потому состояние недовольства было обычным для них на всех уровнях, начиная от уборщицы, которая была недовольна тем, что трудящиеся плевали и бросали окурки на пол, и кончая Генеральным секретарем КПСС, который был недоволен тем, что трудящиеся не переставали пить водку, не хотели укреплять трудовую дисциплину и повышать производительность труда, без чего общество не могло так быстро идти к полному коммунизму, как хотелось бы. Однако лишь в определенных условиях

это всеобщее недовольство было направлено против коммунистического социального строя и сыграло роль одного из факторов его (строя) краха.

В послесталинские годы в советской идеологической сфере стала нарастать кризисная ситуация. В порождении ее сыграл роль комплекс факторов как внутреннего, так и внешнего характера.

Советское общество вступило в стадию зрелого коммунизма («развитого социализма»). Советские люди на своем опыте и на основе здравого смысла убедились в том, что никакого райского коммунизма, какой им обещали классики марксизма, не будет. Они поняли следующую фундаментальную истину нашей эпохи: то, что они имели, и было настоящим коммунизмом. Идеологическая картина советского общества стала восприниматься людьми как вопиющая ложь, как жульническая маскировка неприглядной реальности. Деморализующий эффект от этого оказался сильным не потому, что люди осознали недостатки реального коммунизма (они стали привычными), а потому, что реальность не оправдала обещаний руководителей и идеологов общества.

Этот процесс созревания реального коммунистического общества и обнажения его природы совпал по времени с нарушением принципа соответствия интеллектуального уровня руководства обществом и интеллектуального уровня руководимого им населения. Последний вырос колоссально, а первый остался почти тем же, что и в сталинские годы. В лице Брежнева советские люди видели на вершине власти маразматика с непомерно раздутым тщеславием. Многие чувствовали себя оскорбленными тем, что вынуждены подчиняться такому глупому и аморальному руководству. Именно это чувство толкнуло лейтенанта Ильина на покушение на Брежнева — на символ развитого социализма. Пренебрежительное и даже презрительное отношение массы советских людей к своим руководителям стало важным элементом идеологического состояния советского общества. Это отношение охватило все слои общества снизу доверху. Ядовитые анекдоты на этот счет можно было услышать в самых высших слоях общества, порою даже в кругах, лично близких к самим высмеиваемым деятелям партии и государства. Ничего подобного не было и не могло быть в классические сталинские годы не только из-за страха репрессий, но также и потому, что еще не сложилось такое

вопиющее расхождение в интеллектуальном уровне руководства и общества в целом.

В хрущевские годы и первые годы брежневского правления, далее, началась всесторонняя критика сталинизма во всех слоях советского общества. Эта критика постепенно переросла в критику советского коммунистического строя вообще. Это происходило внутри советского общества, можно сказать, для внутренних нужд. То, что вырвалось наружу и получило известность на Западе, составляло лишь незначительную долю этой критической эпидемии. Крайним проявлением этой эпидемии явилось диссидентское движение, «самиздат» и «тамиздат». Критике подверглась и сталинская «вульгаризация» идеологии, которая постепенно переросла в пренебрежительное отношение к идеологии вообще. Даже в кругах самих идеологов и партийных деятелей, занятых в идеологии, стали стыдиться апеллировать к идеологии и ссылаться на нее. Появились бесчисленные статьи и книги в рамках идеологии и в околоидеологических сферах, в которых, однако, идеология третировалась или игнорировалась совсем, в лучшем случае от нее отделялись несколькими ничего не значащими цитатками и упоминаниями. Даже бывшие ярые сталинисты оказались захваченными этой эпидемией, зачастую опережая «новаторов» (из конъюнктурных соображений, конечно). В область идеологии устремились толпы всякого рода «теоретиков», т. е. неудачников, графоманов и карьеристов из различных наук, которые буквально заволокли идеологию модными идеями и словечками. И все это делалось под соусом творческого развития марксизма. Причем сами эти творцы в своих узких кругах издевались над развиваемым ими марксизмом. Они воображали, будто делают духовную революцию, лишь в силу необходимости прикрываясь интересами марксизма. На самом деле они ничего другого, кроме безудержного словоблудия, производить не могли. Однако они наносили ущерб идеологии, имея за это награды и похвалы.

Как я уже говорил, в Советском Союзе прилагались титанические усилия к тому, чтобы внушить советским людям определенные представления о Западе и выработать у них иммунитет по отношению к тлетворному влиянию Запада. Это тлетворное влияние — не выдумка советской пропаганды и КГБ. Оно было реальным фактом советской жизни, причем фактом в высшей степени серьезным. В послесталинские годы Запад начал оказы-

вать огромное влияние на идеологическое состояние советского общества, причем влияние именно тлетворное, деморализующее, ослабляющее советское общество изнутри. Нужно особое исследование для того, чтобы выяснить, какую пользу Советский Союз извлек из общения с Западом после поднятия «железного занавеса» и какой ущерб ему нанесло влияние Запада. Но уже сейчас бесспорно следующее. Запад стал постоянно действующим фактором повседневной жизни советского общества. Советская идеология впервые столкнулась с серьезным противником, угрожавшим ее власти над обществом. Когда советские руководители, допуская мирное политическое сосуществование с Западом, исключали мирное идеологическое сосуществование, они тем самым адекватно оценивали опасность западного влияния на идеологическое состояние советского общества. Одними лишь мерами репрессий эту опасность нельзя было преодолеть. Советской идеологии предстояло показать, насколько она была способна своими собственными средствами одолеть болезнь «западнизма», уже глубоко проникшую в советское общество.

Но главный фактор, породивший тенденцию к кризису в идеологической сфере, — холодная война, начавшаяся сразу после окончания Второй мировой войны и являющаяся в основе своей войной идеологической.

Запад всегда занимал существенное место в советской идеологической жизни, т.е. в ее идеологическом учении, в работе всей системы идеологической обработки населения и в идеологическом состоянии населения страны. В идеологическом учении это прежде всего ленинское учение об империализме как высшей и последней стадии капитализма и о неизбежности победы коммунизма во всем мире. Советские партийные деятели и профессиональные идеологи «развили» ленинское учение далее, учтя факт образования социалистического лагеря и раскол мира на непримиримые социальные системы. Сделали они это в строгом соответствии с канонами идеологии: словесно препарировали современность так, что она стала выглядеть подтверждением ленинских предначертаний, а само учение обрядили в словесные одежды, придавшие ему видимость непреходящей актуальности. Тут мы имеем характерный пример идеологического отношения к реальности: последняя не прямо отражается в сознании некоторой категории людей, занятых в идеологии или поглощающих ее.

а через искусственную словесную сетку. Задача этой идеологической сетки — очернить противника, облагородить себя.

В брежневские годы Запад обрушил на советское общество мощнейший поток информации (скорее дезинформации) о жизни на Западе, западной культуры (скорее массовой псевдокультуры), идеологии, пропаганды западного образа жизни и критики образа жизни советского. И надо сказать, что он нашел тут благоприятную ситуацию. Советский идеологический аппарат оказался не в состоянии ему противостоять. Никакие усилия советской контрпропаганды и карательных органов (в том числе глушение западных радиостанций и аресты) не могли остановить это наступление Запада на души советских людей. Последние, в особенности — образованные и привилегированные слои, испытали такое влияние Запада, какого до сих пор не знала не только советская, но и досоветская русская история. Оказалось, что советские люди не имели защитного иммунитета против такого влияния.

Бесспорно, западная пропаганда, имея целью идейное и морально-психологическое разложение советского общества, приносила и обширную просветительскую информацию о Западе и мировой культуре. Но она тонула в общем потоке западной идеологии, играла роль в гораздо большей степени разрушительную, именно тлетворную.

Запад, по многочисленным каналам ворвавшись во внутреннюю жизнь советского общества, нанес ему такой психологический и идеологический ущерб, с каким советскому обществу пришлось столкнуться впервые. Запад нанес удар по фундаментальным принципам идеологии насчет преимуществ советского строя и образа жизни перед западным. Запад способствовал смещению интересов людей в сторону чисто материальных потребностей и соблазнов. Запад в огромной степени способствовал расцвету коррупции в правящих слоях общества, вплоть до самых высших.

Негативные явления реального коммунизма стали объектом грандиозной антикоммунистической пропаганды на Западе и в Советском Союзе со стороны Запада. Капитализм не сошел со сцены истории, как предрекали Маркс и Ленин, а укрепился и на данном отрезке истории вроде бы выиграл соревнование с коммунизмом. В Советском Союзе наметился экономический спад, тогда как на капиталистическом Западе наступило неслыханное процветание. Советские люди стали видеть там обещанный коммунистами земной рай. Система высших духовных и моральных

ценностей, которую советская идеология стремилась привить советским людям, оказалась неадекватной реальным качествам людей и условиям их бытия. Система западных ценностей, подкрепляемая соблазнами западного образа жизни, обрушилась с неслыханной силой на человечество, включив в сферу своего воздействия и советских людей. И они из одной крайности бросились в другую, став самым податливым объектом идеологически-психологической атаки со стороны Запада.

Запад в воображении советских людей стремительно превращался в величайший соблазн. Они стали видеть обещанный коммунистами земной рай (общество изобилия, благополучия, свободы и т. п.) на Западе. Хочу обратить внимание на два фактора (помимо сказанного выше), которые сыграли в этом важную роль. Первый из них — убожество профессиональной информации о Западе. Советский Союз имел на Западе тысячи своих профессионально подготовленных представителей в лице дипломатов, журналистов, шпионов, ученых и т. п. В самом Советском Союзе были многочисленные учреждения с сотнями и тысячами сотрудников, занятых изучением Запада. Но советские люди и в этой сфере работали так же плохо, как и в других. По сути дела, вся эта гигантская армия «специалистов» оказалась сбродом халтурщиков, паразитов, невежд, тупиц и хапуг. Весь Запад был буквально завален общедоступной информацией обо всех аспектах жизни общества. Десяток образованных, способных и добросовестных исследователей даже за несколько лет смогли бы создать достаточно полную, объективно точную и практически полезную для руководства страны картину Запада гораздо лучше, чем десятки тысяч паразитов, стяжателей, карьеристов и халтурщиков. Но таковых не нашлось. Советская социальная система и идеология не допустили их появления.

Второй из упомянутых факторов — советские люди, допущенные до непосредственного знакомства с Западом, были поставлены в исключительные условия. Им не надо было добывать средства существования на Западе, искать работу, приобретать жилье, думать об образовании и будущем детей, трудиться в условиях западных предприятий и учреждений и т. д. У них было гарантированное положение у себя дома. Они имели какие-то деньги от своего государства, а также в виде подачек от западных учреждений и подарков знакомых и родственников. Они эти деньги могли тратить, не думая о том, что на них надо жить в бу-

душем. А если они тратили свои деньги, они их с лихвой окупали, покупая дефицитные в Советском Союзе вещи. Им не надо было платить на Западе налоги, не надо было тратиться на медицинское обслуживание и всякого рода страховки. Они на Западе были в положении гостей и зевак, паразитов и спекулянтов. Они видели то, что могли, и хотели видеть в качестве таковых, а именно изобилие вещей в магазинах, свободу передвижения из одной страны в другую, прекрасное обслуживание. Они все сравнивали с тем состоянием, в каком находились их соотечественники дома. Чувство гражданской ответственности перед своей страной и своим народом напрочь отсутствовало у них. Причем все эти люди принадлежали к обеспеченным слоям.

Склонность к критическому отношению ко всему своему, зависть ко всему чужому, а также ненаказуемость бесчисленных поступков, так или иначе наносивших ущерб советскому обществу, довершили комплекс причин, сделавших идеологический и морально-психологический кризис советского общества неотвратимым.

Распределение. В коммунистической идеологии считается, будто в коммунистическом обществе на первой стадии действует принцип «от каждого по способности — каждому по труду», а на высшей стадии — «от каждого по способности — каждому по потребности». Первая часть этих принципов якобы регулирует то, как члены общества отдают свои силы обществу, а вторая регулирует распределение жизненных благ. Эти принципы являются идеологическими пустышками. Они допускают различную интерпретацию. И при любой интерпретации они на самом деле не являются специфическими закономерностями реального коммунизма.

Рассмотрим первую часть этих принципов. Выражение «по способности» можно истолковать в житейском вульгарном смысле, будто каждый будет развивать все заложенные в нем способности, проявлять их и использовать. Ясно, что в таком смысле этот признак никогда не будет осуществлен, хотя бы по следующим причинам. Не любые способности индивида приемлемы для окружающих индивидов и для общества в целом. Не любые способности представляют интерес. У индивида просто не хватает сил и времени развивать все его потенциальные способности. Индивид может вообще не догадываться о том, на что он способен. В большинстве случаев вообще невозможно установить

заранее, какие способности заложены в данном индивиде. Как, например, установить, способен такой-то младенец к руководящей работе в партийном аппарате?! И судьи кто?! Кто определяет наличие и отсутствие способностей?!

Но это выражение можно истолковать и иначе, например, так: 1) общество устанавливает, что считать способностями данного индивида в его данной социальной позиции; 2) в среднем и в тенденции индивиды, допущенные обществом к исполнению данных функций, исполняют их в меру своих среднееобходимых способностей. Этот принцип касается не потенциальных, а актуальных (реализующихся) способностей людей. Если подходить к проблеме способностей с массовой точки зрения, то потенциальные способности массы людей в данных условиях реализуются в их актуальных способностях — последние суть показатель первых. Для отдельных людей тут может иметь место несовпадение. Однако и в отношении отдельных людей совершенно бездоказательны утверждения о их якобы загубленных талантах. О загубленных талантах есть смысл говорить лишь тогда, когда человек обнаружил свой талант заметным для окружающих образом и затем как-то потерял возможность его развивать далее и использовать (Мусоргский, Лермонтов, Есенин, Маяковский). Но это исключения из общего правила. Как правило, подавляющее большинство людей среднеспособно или среднебездарно. В таком практически трезвом понимании этот принцип реализуется во всяком большом и сложном обществе, а не является специфической коммунизма.

Конечно, от способностей зависит то, какое место в обществе занимают отдельные люди. Но этот фактор — не единственный, влияющий на судьбу этих людей. А когда речь идет о десятках и сотнях миллионов непосредственных людей в сложном обществе с разнообразными профессиями, социальными позициями, должностями, способами добывания средств существования и т. д., распределение людей по ячейкам общества, по должностям, по профессиям и прочим точкам приложения их сил осуществляется совсем по другим принципам. Природные же способности используются лишь как одно из средств занять наилучшее положение в жизни и урвать для себя как можно больше жизненных благ. При этом гораздо большую роль играют преимущества рождения в определенном слое и способности устраиваться и делать карьеру с самыми примитивными способностями. Бескоры-

стные служители истины и муз существуют как редкие исключения, в идеологических сказках, в воспоминаниях хапуг и карьеристов. Главными являются не способности как таковые, а возможности их реализовать и использовать для карьеры и обогащения.

Обратимся ко второй части рассматриваемых принципов. Допустим, вы решили педантично следовать принципу «каждому по труду» при вознаграждении работников за их деятельность. Если люди заняты одинаковой деятельностью, еще можно сравнивать их труд по их результатам. Но как быть, если люди заняты разнородной деятельностью и сравнивать их труд по результатам деятельности оказывается невозможным? Как сравнить труд начальника и подчиненного? Имеется единственный общественно значимый критерий сравнения труда в таких случаях — это фактические социальные позиции людей. Среднормальное осуществление деловых функций человеком в данной его социальной позиции соответствует его труду, отдаваемому обществу. Практически принцип «каждому по труду» реализуется как принцип «каждому по его социальному положению». И реальные люди в реальном коммунистическом обществе прекрасно это понимают на своем опыте. Следствием действия этого принципа является ожесточеннейшая борьба миллионов людей за улучшение своей социальной позиции.

Кроме того, на этой основе развивается система коррупции и использования своего служебного положения в корыстных целях. Она фактически становится дополнительным средством распределения и перераспределения жизненных благ. В практической реализации для огромной массы людей рассматриваемый принцип распределения превращается в принцип «каждый урывает для себя максимум того, что позволяет ему его социальное положение».

Выражение «по потребности» тоже допускает различные интерпретации, по крайней мере, такие: 1) будет достигнуто изобилие жизненных благ; 2) любые потребности людей будут удовлетворены; 3) общество будет решать, что считать потребностью человека. Очевидно, что во втором смысле принцип «по потребности» никогда реализован не будет. Изобилие же — понятие относительное, исторически определенное. Тот жизненный уровень, который в прошлые века мыслился как изобилие, в Советском Союзе мы имели для огромного числа людей. Число людей,

живших у нас по потребности в этом «скромном» смысле, было больше, чем все население России до революции. Тем не менее это не устранило неравенство, недовольство своим положением, зависть, жажду иметь больше. Я вообще считаю, что рост благосостояния населения стал одной из причин краха нашего русского коммунизма. Он усилил расслоение общества и материальное неравенство. Жажда иметь росла быстрее и сильнее, чем возможность ее удовлетворять. На этой основе возникло другое, чисто обывательское истолкование принципа «по потребности» — как удовлетворение желаний современных людей. А желания эти возросли настолько, что даже официальная идеология Советского Союза отодвинула исполнение этого принципа в неопределенное будущее. Советские люди уже представляли себе изобилие коммунизма по крайней мере в виде высокого жизненного уровня некоторых западных стран. Основатели учения марксистского коммунизма вряд ли подозревали о холодильниках и телевизорах как предметах первой необходимости, вряд ли думали, что автомобиль станет заурядным средством транспорта. Но советский обыватель уже не мыслил себе коммунизма без многокомнатной квартиры со всеми удобствами, без телевизора и холодильника, без личного автомобиля и без дачи.

Официальная идеология Советского Союза почувствовала опасность, которая кроется в таком истолковании весьма неосторожного заявления классиков марксизма, и стала говорить о разумных потребностях, контролируемых и регулируемых обществом. А это была лишь замаскированная форма выражения фактического положения вещей, а именно того факта, что потребности человека в коммунистическом обществе определены возможностями их удовлетворения. Советская идеология невольно стала склоняться к третьему, к социологическому пониманию потребностей: не всякое желание человека есть потребность, а лишь такое, которое общество признает в качестве потребности этого человека. А это значит, что предполагается некоторый общезначимый уровень удовлетворения нужд человека на данном уровне социальной иерархии, т.е. некоторая норма потребления. Иметь по потребности — значит иметь в рамках этой нормы, а иметь не по потребности — значит превышать или не достигать нормы. Реализация принципа «по потребности» не устраняет на деле экономического и тем более социального неравенства людей.

Большинство советских людей жило, как говорится, «от по-

лучки до полочки», имея незначительные накопления или не имея их совсем. Но некоторая часть населения накапливала значительные богатства и передавала их по наследству. Это — представители высших слоев, а также лица, имевшие возможность безнаказанно грабить государственную собственность, спекулянты, деятели теневой экономики, члены уголовных мафий и др. К концу брежневского периода произошло сращивание этого криминального слоя с правящими слоями.

Накопленные материальные богатства являются при коммунизме личной собственностью. Они проживаются (тратятся), передаются по наследству, используются для карьеры и устройства детей. Но они не используются как средство приобретения новых богатств, т.е. как капитал. Это делается в порядке исключения и нелегально.

Главными источниками жизненного успеха при коммунизме являются образование, квалификация, личные способности, личные связи (протекция) и карьеристская ловкость. Со временем все большую роль стало играть социальное положение родителей. Основное богатство человека коммунистического общества — его положение на лестнице социальной иерархии, его социальное положение, занимаемая им должность (пост). Вокруг этого основного богатства крутятся самые сильные интересы и страсти. Деньги, конечно, играют роль, но иную и иначе, чем в обществе капиталистическом. Имея хороший пост, имеешь и деньги, а многое имеешь и без денег, используя возможности, какие предоставляет пост. Деньги, приобретенные без поста, суть либо продукт преступления, либо исключение.

Преимущество коммунистического богатства перед прочими формами состоит в том, что его не захватят грабители, не украдут. С ним не потерпишь банкротство и не разоришься. В большинстве случаев оно гарантировано. Оно автоматически растет с каждым шагом карьеры. Вся основная борьба за богатство здесь происходит в сфере делания карьеры, причем по правилам карьеры, т.е. по правилам коммуналности, которые люди постигают чуть ли не с пеленок и которые легко усваиваются и даже открываются вновь даже самыми безнадежными тупицами. Неизбежным следствием этого является низкая (сравнительно с Западом) деловая активность и тенденция к экономическому застою.

В коммунистическом обществе распределение жизненных благ оторвано от их производства, лишь в незначительной степе-

ни зависит от последнего. Причем в социальном отношении распределение доминирует над производством, так что это общество можно назвать распределительским. Государству приходится прилагать огромные усилия, чтобы поддерживать и развивать производство. Коммунистическое неравенство создается в силу принципов распределения, порождаемых законами коммунальности. Если бы было возможно такое, что в общество из некоего рога изобилия текли бы все необходимые предметы потребления, так что отпала бы надобность в производстве их, все равно общество структурировалось бы по принципам коммунальности (главным образом власти, управления, порядка) и принципы распределения сохранили бы силу.

Социальная структура населения. Процесс социального структурирования советского населения еще не успел завершиться в смысле стабильности различных категорий (групп, слоев, классов и т. п.) и их количественных характеристик. Еще росли одни из них и сокращались другие. Еще сильна была вертикальная динамика, т. е. переходы в более высокие слои и опускания вниз. Еще колебались уровни благосостояния. Однако в качественном отношении структура населения определилась достаточно явно.

Чтобы дать достаточно полную и точную картину советского общества с этой точки зрения, требуется профессиональное социологическое исследование. Тут нужны эмпирические измерения. Например, нужно измерить, каков процент рабочих разных степеней квалификации, мастеров, техников, инженеров, управленческого персонала и т. д. в промышленности, причем сделать это нужно во времени, чтобы судить о динамике и тенденциях. Сделать это нужно для десятков категорий граждан и для многих срезов во времени. Выполнить такую работу способны лишь сотни профессионально подготовленных людей. Кое-какие исследования такого рода проводились. Но данные их не публиковались. Практически они были секретны. Так что я вынужден удовлетворяться теми наблюдениями, какие были доступны любителю-одиночке.

Сделаю предварительное методологическое замечание. Категории социальной структуры населения разделяются на логические и социологические. Первые суть категории классификационные. При этом выделяются какие-то признаки объектов и по ним образуются логические классы (множества), причем незави-

симо от того, каковы отношения между этими объектами в реальности. Например, таким путем люди зачисляются в один класс женщин (класс женщин), в другой — мужчин, в третий — преступников. Социологические категории структуры населения предполагают, помимо сходных признаков людей, также какие-то взаимоотношения между ними. Например, выделяя класс пролетариев, социологи прошлого предполагали не только то, что они существовали исключительно за счет продажи своей рабочей силы, но также их какие-то объединения именно на основе этого признака. Обычно логические и социологические категории смешиваются, что отнюдь не способствует ясности понимания. Например, в советском обществе существовали классы рабочих, крестьян и служащих в логическом (классификационном) смысле, но таких классов не было в социологическом смысле. Если представители этих логических классов как-то объединялись, то это происходило совсем на иной основе. В частности, в профсоюзах на заводах входили все работники, а не только рабочие в традиционном смысле слова. Аналогично партия и комсомол были организации неклассовые. Хотя им и пытались придать характер организации классов «трудящихся», в это уже не верил никто. Трудно сказать, каков был процент карьеристов в партии, не имевших ничего общего с рабочими и крестьянами. Но он был высок. И в партии они играли роль более важную, чем «трудящиеся».

Население коммунистической страны структурируется по многим линиям, если даже ограничиться лишь социальным аспектом и не принимать во внимание другие (например, национальный, религиозный, территориальный, родственный и т. п.). Я хочу выделить в переплетении этих линий то, что является в них определяющим, и их суммарный эффект.

Определяющим для коммунизма является различие людей не по отношениям собственности, не по сферам занятости, не по профессиям, а по социальному положению в коллективах и в обществе в целом. В основе социального структурирования населения коммунистической страны лежит то, что я называю социальным статусом. Последний характеризуется следующими параметрами: положение на иерархической лестнице социальных позиций, престижный уровень профессии, размер заработной платы, наличие или отсутствие привилегий, характер привилегий, возможности использования служебного положения, обра-

зование и культурный уровень, бытовые условия, доступ к жизненным благам, сфера общения, перспективы улучшения положения и устройства детей. Лишь совокупность этих параметров определяет социальный статус человека, а не каждый по отдельности.

По социальному статусу население коммунистической страны разделяется на несколько множеств слоев, в простейшей классификации — на высшие, средние и низшие слои. Грани между ними не абсолютны. Многие люди переходят из одних слоев в другие или занимают промежуточное положение. Внутри каждого множества имеют место свои подразделения и иерархия уровней. Тем не менее это разделение ощущается достаточно отчетливо.

Понятие «слой» является довольно неопределенным. Тут переплетаются признаки логической классификации и признаки социологической группировки людей, соответствующие их реальным личным связям. Но классификационный аспект тут преобладает.

К высшим слоям на районном уровне принадлежат высшие лица аппарата власти, начальники наиболее значительных предприятий и учреждений, подконтрольных районным властям, и сравнительно неопределенная категория лиц, так или иначе связанных с руководящими лицами района, входящих лично в районную правящую и привилегированную клику. На более высоком уровне (город, область) в высшие слои входят не все представители высшего слоя района, а лишь основные. На этом более высоком уровне в высшие слои входят высшие лица аппарата власти этого уровня (города, области), начальники наиболее значительных предприятий и учреждений городского или областного значения, а также целый ряд привилегированных лиц, связанных с областным начальством, имеющих высокий социальный престиж. Высшие слои этого уровня, таким образом, не есть сумма представителей высших слоев районов. Это есть более широкое и вместе с тем более высокого ранга множество привилегированных лиц. Такая иерархия высших слоев обрывается вплоть до масштабов всей страны. Высшие слои страны в целом включают в себя часть представителей высших слоев более низких уровней.

Но ядро их образует множество высших лиц центральной власти и системы управления, а также множество лиц, обладаю-

щих высоким престижным уровнем в масштабах страны (привилегированные директора, ученые, писатели, музыканты, художники).

Представители высших слоев имеют самый высокий жизненный стандарт. В их распоряжении все блага, достижимые в данной стране. Причем они имеют все почти без денег или за условную плату. Их богатством являются не деньги, а социальное положение. На всех уровнях они связаны служебными и личными отношениями, круговой порукой, взаимными услугами. Они образуют правящие клики, принимающие мафиозный характер и зачастую перерождающиеся в уголовные. Мощный аппарат власти и идеологии охраняет их привилегированное положение.

К низшим слоям относятся рабочие всех типов, работники сферы обслуживания, не занимающие постов, лица, занятые на подсобных работах в различных учреждениях, служащие контор и канцелярий, низший медицинский и научный персонал, воспитатели детских учреждений, рядовые милиционеры и прочие лица, выполняющие непосредственные деловые функции на низших ступенях социальной иерархии. К этим слоям относятся также начальники самых низших категорий. Социальная активность низших слоев близка к нулю. Они раздроблены, имеют самый низкий образовательный уровень, легче всех поддаются манипуляциям властей. Их солидарность ограничивается бытовыми отношениями асоциального характера. Их интересы представляют официальные общественные организации, администрация и органы власти. Их материальное положение в основном зависит от общих условий в стране и от политики руководства.

Средние слои образуют сотрудники системы власти и управления среднего уровня, директора и заведующие обычных предприятий и учреждений, преподаватели высших учебных заведений, деятели культуры, научные работники, короче говоря, основная масса служащих и начальников среднего уровня иерархии, а также творческая и интеллектуальная часть населения. К этим слоям относятся также многочисленные деятели спорта и других непроемких профессий. Эти слои самые разнообразные по составу. Их положение является двойственным. В одних отношениях они тяготеют к высшим слоям. Многие их представители обслуживают высшие слои, имеют с ними контакты и переходят в них. Для некоторой их части это во-

обще есть лишь этап на пути в высшие сферы. В других отношениях и в других частях они близки к низшим слоям, разделяют их судьбу, зависят от произвола властей.